

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ РАЗВЕРСТКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ
ЭКОНОМИКИ:
НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ. 1920 – 1921 гг.**

Продовольственная разверстка, ставшая символично-емким отражением антирыночных воззрений большевиков на экономику, была введена ленинским декретом «*О развёрстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями*»¹ 11 января 1919 г. Последствия того решения долго ждать не пришлось. Они стали зримыми достаточно быстро, что на примере Поволжья, вскоре испытавшего жесткий голод, предполагается рассмотреть в данной статье.

К концу 1920 г. обстановка в этом регионе, как и в РСФСР в целом, продолжала еще более усугубляться. Кроме нарушений, какими сопровождалась деятельность продработников при отъеме продуктов у крестьян по разверстке, значительные издержки наблюдались и на последующих этапах транспортировки и хранения всего изъятого. Ведь для большей части таким способом полученного продовольствия не было ни складских помещений, ни кадров соответствующих работников, ни инвентаря и оборудования, а главное весь опыт людей был иным и такую форму деятельности они в подавляющем большинстве не могли воспринять ни по своему менталитету, ни из-за психологии частных собственников. Для этих целей по стране создавалась целая система новых учреждений – ссыпных пунктов, чего ранее в России не было. Их функционирование предполагало довольно многочисленные штаты сотрудников, занятых одним только приёмом продуктов. Следующая таблица даёт возможность представить общую сеть подобного рода учреждений на примере Саратовского уезда одноименной губернии. При этом штат работавших там, хотя руково-

дством он оценивался как «весьма незначительным», только по 8 пунктам одного уезда приблизился к 150 единицам.

Таблица 1

**Количество персонала на ссыпных пунктах Саратовского уезда
на 1 января 1921 г. (чел.)**

№ п/п	Наименование пунктов	Количество персонала:		
		технический	конторский	всего
1.	Саратовский	36	17	53
2.	При заводе Калашникова № 2	17	5	22
3.	Усовский	3	4	7
4.	Ягодно-Полянский	4	7	11
5.	Синеньский	12	2	14
6.	Чардымский	6	8	14
7.	Татищевский	11	6	17
8	Курдюский	7	4	11
	Итого	96	53	149

Источник: составлена по данным: ГАСО. Ф. Р-523. Оп. 4. Д. 58. Л. 2.

Из таблицы, кроме общего количества персонала, вполне наглядно предстает и явная несбалансированность соотношения занятых как по категориям, так и по общей их численности в разных пунктах. При этом из отчета, составленного хлебофуражным отделом этого же Саратовского уездного продовольственного комитета по докладам 8 выше перечисленных волостных ссыпных пунктов за период с 1 августа по 31 декабря 1920 г., предстает столь же типичная и для страны ситуация как по условиям, так и по характеру мероприятий на них. Все это включало отсутствие надлежащего качества амбаров, что влекло использование мелких помещений, которые были разбросаны на больших расстояниях друг от друга, а это осложняло их окарауливание еще и по причине нахождения внутри

сел. Не было зерноочистительных машин. Отсутствовали дрова, помещения не отапливались. Не хватало керосина для освещения, а основная работа по приему продовольствия приходилась на исключительно темные осенне-зимние месяцы. При этом продотряды стремились осуществлять ссыпку хлеба именно ночью. Не было канцелярских принадлежностей, включая карандаши, и документы надлежащим образом не оформлялись. Прикрепление волостей к ссыпным пунктам осуществлялось хаотично, что влекло перегрузку одних и недогрузку других. Там, где помещения были переполнены, продотряды ссыпали зерно прямо под открытое небо².

Явно не благоприятными для индивидуальных хозяев были и цены, произвольно устанавливавшиеся советскими органами на продукты, если крестьяне сдавали их добровольно. Практика реализации по своей форме была следующая. На места направлялось предписание с утвердившимися формулировками, что видно из материалов Саратовского губернского комитета по продовольствию: «Сим сообщается для сведения и руководства принужденные в Коллегии Губпродкома 15 октября покупные (приемные) и отпускные цены на муку, крупу, отходы на кампанию 1920 – 1921 гг., вступающие в действие с 15 октября 1920 г. за исключением приемных твердых цен, утвержденных центром»³. А далее, обычно, следовали две группы продуктов и зерновых культур с ценами, установленными Наркомпродом и ВСНХ, и ценами губпродкома. Для удобства анализа ценовой политики здесь вполне уместными вновь становятся таблицы.

Таблица 2

**Приемные твердые цены, утвержденные Наркомпродом и ВСНХ,
отпускные цены, утвержденные Саратовским губпродкомом (в руб. за 1 пуд)**

Виды с/х культур	Приемные цены	Отпускные цены	Разница в ценах
Рожь	65	110	45
Пшеница	75	115	40

Овёс	50	85	35
Ячмень	55	95	40
Просо	50	80	30
Гречиха	65	110	45
Горох «Виктория»	80	120	40
Горох простой	80	125	45
Фасоль «Белая»	75	105	30
Чечевица	70	100	30

Источник: составлена по данным: ГАСО. Ф. Р-523. Оп. 4. Д. 58. Л. 10.

Из таблицы видно, что разница цен, особенно на культуры, идущие на потребление людям, тогда достигла 45 руб. При этом данная 45-рублевая разница по ржи и гречихе составляла 69,2 % от цены приемной за эти культуры, свидетельствуя о явном желании представителей советского государства именно на них получить значительную прибыль с крестьянского населения.

Еще значительно эта разница проявлялась на тех продуктах, какие производились путем первичной переработки, в результате которой становились пригодными к потреблению не только животными, но и людьми (смотри таблицу 3).

Таблица 3

Твердые цены на продукты, утвержденные Саратовским губпродкомом, впрямь до получения твердых цен из Наркомпрода и ВСНХ (в руб. за 1 пуд)

Виды продуктов	Приемные цены	Отпускные цены	Разница в ценах
Мука (ржаная размольная)	77	125	48
Мука (ржаная отсевная)	81	140	59
Мука (пшенич. размольн.)	86	135	49
Мука (пшенич. отсевная)	92	145	53
Отруби пшеничные	36	50	14
Отруби ржаные	30	45	15

Пшено дранец	78	125	47
Крупа ячмённая	81	145	64
Крупа гречневая ядрец	110	130	20
Крупа протир	99	160	61
Крупа овсяная	111	170	59
Крупа манная	–	225	–

Источник: составлена по данным: ГАСО. Ф. Р-523. Оп. 4. Д. 58. Л. 10.

Из нее видно, что общая разница цен приемных и отпускных на продукты становилась еще больше, достигая по муке ржаной отсевной – 59 руб., а крупе ячмённой – 64 руб. Одновременно 59-рублевая разница в цене муки ржаной отсевной от ее цены приемной составляла уже 72,8 %, а 64-рублевая разница в цене крупы ячменной от ее цены приемной превышала 79 %.

Кроме столь значительной разницы в ценах (и это притом, что рыночная экономика и товарно-денежные отношения отрицались), надо иметь в виду то, что добровольная сдача крестьянами чего-либо была скорее формой условно декларируемой. В реальной жизни «добровольность», как следует из фактов ранее нами приводимых и многократно повторяющихся примерах последующих, наблюдалась только тогда, когда в населенные пункты вводились советские вооруженные формирования из продармейцев. Вслед за чем, а это все усвоили сразу, в случае не сдачи продуктов за гроши крестьянство обрекалось на их реквизицию и вовсе задаром. В отчете ВЦСПС о работе продотрядов еще за 1919 г. говорилось, что «зачастую достаточно только одного появления или присутствия отряда, чтобы ссыпка сразу начинала увеличиваться». Но «как только продотряды снимались, – сообщалось, например, в Наркомпрод из Пензенской губернии, – тотчас же прекращалась и ссыпка хлеба»⁴.

Констатируя такое положение, председатель СНК РСФСР Ульянов-Ленин тогда же с удовлетворением отмечал: «...мы научились применять разверстку, т. е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба. Мы знаем, что крестьянин дает хлеб в ссуду...»⁵.

Крестьянство, а это большая часть населения страны, оказывалось в полном проигрыше, но не выигрывало от такого положения и государство. Критическая ситуация в его структурах, наблюдавшаяся в Поволжье от верховий до низовья, была не исключением, а общим правилом. Везде констатировали одно и то же. Вот, например, как характеризовал свою деятельность председатель Воскресенского уездного комитета РКП(б) Нижегородской губернии Малов на VII уездной партконференции 11 декабря 1920 г. Вначале заметив, что он в докладе «о Уездкоме скажет очень мало», затем, перечислив «заморозки, и градобития, и засуху, отчего получился и голод и масса лесных пожаров», закончил упованием на «усиленное ведение борьбы», из-за внимания на которую «совершенно не хватает времени на ведение агитации». А на последовавший вопрос о штатных деревенщиках в волостях ответил: «Мы имеем 6 деревенщиков. Работы деревенщиков в настоящее время нет никакой. Благодаря тому, что нет заведующих!»⁶ Как видно из этого, что доклад, то и ответ на вопрос более чем красноречивы. К чему можно добавить лишь то, что сам партийный орган являлся явлением чисто советским, а его функциональная нацеленность не проблемы населения решать, а агитацией заниматься не могла давать какой-либо иной результат, даже если так называемые «деревенщики» и оказались бы в наличии.

Менее чем месяц спустя это подтвердил и ещё один орган того же Воскресенского уезда – беспартийная конференция, прошедшая 9 января 1921 г. На ней в присутствии 108 делегатов от 10-ти волостей, а всего при

участии 122 человек с правом решающего голоса, из коих 15 все же были коммунисты и 107 беспартийные, под председательством А.М. Полякова при секретарях Н.Н. Сметанине и В.С. Маринине доклад «О деятельности Президиума Уездисполкома» сделал Гуцин. В резолюции по нему беспартийная конференция, «признавая линию поведения Президиума правильной», посчитала «слабой работу по Отделу Народного Образования, где весь педагогический персонал голодает, а, следовательно, не может отдать себя делу Народного воспитания, где лучшие школьные помещения занимают Административными учреждениями, а в менее удобные помещения переведены школы...»⁷. В итоге опять получалась констатация не просто бесполезных действий органов советской власти, а фактически говорилось о разрушительных последствиях этих действий. Ведь только так, а не иначе можно понимать признание о «линии поведения Президиума правильной», но «слабой работе». При этом отнесение этой «слабой работы» к «Отделу Народного Образования», в чем за критерий бралось голодание педагогов, дает нам основание о выводах более глобальных: ведь если голодают люди, то значит плохо в аграрном секторе и экономике вообще, а не только в системе образования.

Во второй половине 1920 г. СНК РСФСР неоднократно обсуждал на своих заседаниях продовольственный вопрос, который становился все более острым. Что, однако, какими-либо ограничениями на деятельности продовольственников не сказывалось. К примеру, постановлением СНК от 15 сентября «Народному комиссариату продовольствия было разрешено уплатить 10 тыс. руб. тов. Копнину в виде награды за успешное выполнение государственной разверстки»⁸. 30 сентября уже сверхсметным кредитом только на суточное довольствие и красноармейское жалованье ответственным работникам и продотрядникам отпущалось 312.312 тыс. рублей⁹.

Особенно часто выступать в правительстве по вопросам, относимым к компетенции Наркомпрода, приходилось заместителю комиссара Н. П. Брюханову, деятельность которого достаточно долго всех в Кремле устраивала. Но продолжавшееся в худшую сторону изменение ситуации в аграрном секторе не могло не затронуть характера взаимоотношений между теми, кто стоял у власти. На одном из заседаний Ульянов-Ленин обратился с запиской к А. Д. Цюрупе, где с раздражением следующим образом охарактеризовал Брюханова:

«У него не защита тезисов, а шаблон.

"У нас мало", – только и всего. Нельзя так говорить. Не схватывает *теперешней* политической стороны вопроса»¹⁰.

Вскоре разногласия у главы правительства возникли и с самим Цюрупой, полномочия которого в качестве наркома продовольствия были продлены постановлением СНК 30 ноября 1920 г. Но уже 8 декабря, в день подписания председателем СНК нового удостоверения главе продовольственного ведомства, последний на утреннем заседании пленума ЦК РКП(б) оказался в числе протестовавших (ими были представители ВЦСПС, А.Е. Бадаев и комячейка Наркомпрода) «против невключения А.Б. Халатова в состав коллегии Наркомпрода». По этой причине уже на вечернем заседании того же органа, принявшего решение освободить А. И. Свидерского от должности члена коллегии Наркомпрода, а вместо него ввести Халатова, против освобождения Свидерского выступил Цюрупа, угрожая отставкой с поста наркома продовольствия. Пленум ЦК на заседании 9 декабря 1920 г. вновь подтвердил свое решение и, не приняв отставку Цюрупы, постановил довести число членов коллегии Наркомпрода до семи человек, включая и наркома¹¹.

14 декабря 1920 г. СНК утвердил новый состав коллегии Наркомпрода: нарком А.Д. Цюрупа, заместитель наркома Н.П. Брюханов и члены И.С. Лобачев, Н. Осинский (В. В. Оболенский), А.П. Смирнов, А.Б. Хала-

тов, Л.М. Хинчук. В тот же день Ульянов-Ленин обратился с двумя записками к Цюрупе. В первой он, в частности, касался работы цюрупинского ведомства: «Мне уже случалось в Совнарком указывать на некоторую неудовлетворительность постановки дела в отделе распределения Компрода: не сосчитали толком, *сколько* у нас норм распределения и сколько человек получает по каждой норме.

Надо этого добиться»¹².

А во второй, объяснив позицию партийного органа тем, что «решение пленума – итог давних и долгих недовольств Свидерским.

Заявление рабочих *и, главное, поддержка его профсоюзами* переполнило чашу», с нотками утешения закончил: «Я понимаю, что Вам это болезненно. Но политический интерес (как и решение партии) безусловно требуют подчинения. Свидерского используете прекрасно и не как члена коллегии. За орабочение надо взяться; я понимаю, что при заваленности работой Вы не могли уделить все внимание вопросу об орабочении...

Не надо нервничать. Болезненное надо перенести. Решению Цека подчиниться и провести его»¹³.

Недовольство рабочих было связано, в первую очередь, с недостатком продуктов питания, что большевики попытались преодолеть путем перехода на их бесплатный отпуск населению. Первый шаг к столь неординарному решению был сделан 11 октября 1920 г., когда постановлением СНК об отмене некоторых денежных расчетов Народному комиссариату финансов было поручено подготовить проект декрета об отмене платы за продукты, отпускаемые Народным комиссариатом продовольствия для снабжения потребителей. 16 ноября распоряжением президиума Московского совета было объявлено о введении бесплатного отпуска продуктов населению Москвы, но 17 ноября Малый СНК, не отменяя этого распоряжения, постановил подготовить меры взыскания на президиум Московского Совета. 20 ноября СНК подтвердил решение Малого СНК, о чем на

следующий день последовало правительственное объявление: «Совет Народных Комиссаров постановил: не отменяя решения Московского Совета о введении бесплатного снабжения через органы Московского потребительского общества с 16 ноября, поручить Малому Совету рассмотреть вопрос о мерах взыскания, которые должны быть наложены на президиум Московского Совета за незаконные его действия. Вместе с тем предложить Малому Совету не позже чем через недельный срок закончить рассмотрение декрета о бесплатном питании»¹⁴.

На заседании Малого СНК 25 ноября подготовленный Народным комиссариатом финансов проект декрета был принят единогласно и направлен в СНК на утверждение. 4 декабря СНК утвердил *«Декрет СНК о бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления»*, а 6 декабря 1920 г. его подписал и Ульянов-Ленин¹⁵.

Из семи пунктов декрета основную информацию несли три следующих:

«2. Отпускаемые Народным комиссариатом по продовольствию и его органами государственным предприятиям и учреждениям для их рабочих и служащих продукты продовольствия выдаются без всякой оплаты.

3. Предназначенные для бесплатного распределения среди населения продовольственные продукты отпускаются распределительным органам также без оплаты.

4. Распределительные органы, государственные и кооперативные, отпускают продовольственные продукты бесплатно:

а) В Москве и Петрограде – всему населению, имеющему право на получение продовольственных продуктов из этих органов.

б) В прочих местностях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики – трудовому населению, снабжение коего пре-

дусмотрено декретом Совнаркома от 30 апреля с. г. о трудпайке, т. е. рабочим, служащим, инвалидам войны и труда, матерям, беременным женщинам и проч.

в) Членам семей красноармейцев – по карточкам "Красной Звезды".

г) По пайкам, особо установленным Центральной комиссией по рабочему снабжению, Совнаркомом, Советом Труда и Оборонам».

Формулировка последнего пункта, что «Декрет вступает в силу с 1 января 1921 года»¹⁶ указывала и совсем близкую дату по реализации обещанного. Но уже 8 декабря 1920 г. с этим декретом произошла коллизия, схожая с решением Московского совета: за подписью председателя большевистского правительства вдруг последовало короткое *«Постановление СНК об исправлении ошибки в заголовке декрета СНК от 4 декабря...»*, где было написано: «Напечатано: "О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления"».

Следует читать: "О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов"»¹⁷, то есть был обозначен уже и отказ от ранее декларируемых обещаний о переходе на коммунистические принципы.

Спустя совсем короткое время и с мест станет поступать информация, развенчивающая утопичность бесплатности чего-либо, но во всех объяснениях были свои, вроде бы «веские», причины. Например, губпродколлегия Астраханского губпродкома 2 марта 1921 г. на заседании под председательством заместителя губпродкомиссара П.Т. Шичкова при секретаре Е. М. Степановой, в присутствии членов коллегии (Васильев – заведующий Упродом, Зинченко – Губзаготпрод, Алексеев – Губраспред, Олендзовский – Финсчетовдел, Пресняков – председатель Губсоюза, И.Н. Грузинцев – Юристконсульт) на раннем заседании с 6 часов утра до 11.30 часов дня, заслушав доклад «О бесплатном отпуске продуктов питания и предметов широкого потребления населению, согласно декрета Совнаркома от 4 и 17 декабря 1920 г.», приняло следующее решение, которое да-

лее представлено с сохранением орфографии и стилистики документа: «Обсудив всесторонне вопрос о скорейшем проведении в жизнь бесплатного отпуска продуктов питания и предметов широкого потребления в Астраханском Крае группам населения, указанным в Инструкции к декретам Совнаркома от 4 и 17 декабря 1920 г. Губпродколлегия, придя к заключению, что организовать в Астраханской губернии Райсоюзы не представляется возможным по географическому положению за исключением Енотаевского уезда (изрезанность ее реками в особенности Астраханский и Красноярский уезды), что признается и Центром, на основании чего, а также принимая во внимание, что из-за доставки на места назначения отпуск продуктов бесплатного питания должен обойтись потребителю дороже, чем когда отпуск был платный, чтобы избежать последнего

ПОСТАНОВИЛА:

1. Возбудить ходатайство перед Центром через Губисполком о приемке половины расходов по доставке продуктов бесплатного питания на места назначения, впредь до проведения Гужевой повинности, на счет государства.

2. Просить Губисполком оказать давление на подлежащие учреждения для скорейшего проведения в жизнь гужевой повинности во всей губернии.

3. Обоснованный доклад с ходатайством о принятии половины расходов на счет Государства, поручить составить Финансово-Счетному Отделу.

4. Возбудить ходатайство перед Ружводом о бесплатной доставке водным путем продгрузов до места их распределения.

5. Ввести карточную систему по всей Астраханской Губернии.

6. Губраспреду совместно с ЕПО разработать вопрос введения бесплатного питания в общественных столовых, для проведения коевого просит Губком и Губисполком командировать на должность Заведующего

Общественным Питанием в Губраспреде человека с инициативой, опытного работника, который мог бы вполне справиться с делом, возложенным на него, так как в настоящее время в Губпродкоме не имеется подходящего продработника для занятия этой крайне ответственной должности»¹⁸.

Не вдаваясь в детальный анализ достаточно пространного документа, по сути самого за себя говорящего, стоит выделить пункт пятый о «введении карточной системы по всей Астраханской губернии», потому что только он станет выполнимым по всей стране как в 1920-е, так и в последующие годы. Правда недовольство населения властью от такой меры не исчезнет. Поэтому ленинский упор на «орабочение» продовольственных органов, что звучало и на упоминавшихся декабрьских пленумах ЦК РКП(б), было еще одним свидетельством трудного поиска выхода из критической ситуации в аграрном секторе экономики. Но на нее именно представители рабочего класса, занятые продовольственной работой на местах, решающее влияние всегда и оказывали. По этой причине увеличение их численности еще и в центральных советских органах явно не могло что-либо изменить.

А вот на периферии, те самые рабочие, но занимавшие руководящие должности, причины кризиса видели в ином. Так еще 9 октября 1920 г. губпродкомиссар области немцев Поволжья в обращении, адресованном ЦК РКП (копия: Наркомпрод Брюханову), просил оградить этот участок хозяйственной деятельности от вмешательства губернских чекистов. В письме, ответ на которое по поручению Ф.Э. Дзержинского готовил Г.Г. Ягода, после констатации того, что «создавшееся положение тормозит продработу и без этого находящуюся в скверном положении в неурожайный год», взаимоотношения продовольственников с чекистами представлялись следующим образом: «Местная Губчека открыла слежку за мной (губпродкомиссаром. – Прим. В.П.) и активными продработниками, вся-

кие мелочи раздувает в преступления и угрожает передачей в ревтрибунал... Каждый продработник терроризован (так в тексте. – Прим. В.П.) и не может развернуть работу. Вмешательство посторонних мне лиц и учреждений в продработу не наказывается... Не далее как сегодня в Губчека был вызван один из Райпродкомиссаров и у него отобрано оружие за собирание материалов будто бы против Губчека. Должен указать, что упоминаемый Райпродкомиссар привлечен мною к собиранию материалов по рассмотрению заявлений нескольких крестьян, у которых агентами Губчека конфисковано имущество без всяких актов и расписок.

Лично от меня взята подписка о невыезде, и я отдан под суд... Вынужден ставить вопрос ребром, или меня убрать отсюда, либо дать возможность осуществить задания Наркомпрода без вмешательств.

Наоборот, в настоящем положении и неурожайном году продработа требует поддержки, которой здесь нет, а если и существует, то на бумаге.

Необходимо вмешательство посторонних властей. Почему-то в другие губернии посланы председатели Губпродсовещаний, а в Марксштадте до сих пор нет, где он в особенности нужен и он должен явиться оплотом продовольственного дела»¹⁹.

Смысл жалобы, направленной на развенчание чекистов, которые были причастны практически ко всем сферам жизнедеятельности советского государства и особенно тогда, когда что-либо у большевиков не получалось, вполне ясен. Но и действия продовольственных работников, в основном занятых изъятием продуктов у крестьянского населения, именно и становились тем криминальным пространством, на котором только сотрудники ВЧК и могли результативно действовать. На этих фактах подробнее остановимся чуть позже. Относительно приведенного выше письма губпродкомиссара отметим, что какое-то действие оно, скорее всего, возымело. По крайней мере, в части направления председателей губпродсовещаний, потому что 26 ноября 1920 г. Ульянов-Ленин «подписал удо-

ствоверение А.И. Каулю, командированному ВЦИК и Наркомпродом в Покровск (Саратовская губ.) для ответственного руководства заготовительной кампанией 1920 – 1921 гг. на территории Покровского продрайона в качестве председателя губпродсовещания»²⁰.

Там ситуация скорее всего была еще более сложной, как и в Царицынской губернии, которая по ходатайству командующего войсками внутренней службы республики В.С. Корнева и доклада (имевшего гриф «Оглашению не подлежит») наркомата внутренних дел, сделанного замнаркомом М. Ф. Владимирским, постановлением СТО в тот же день принятым под ленинским председательством, была объявлена «на военном положении со всеми вытекающими из этого функциями...»²¹ Содержание выше упоминаемых функций определялось еще более ранним постановлением ВЦИК и СТО от 4 ноября 1920 г. Главным в нем было то, что нашло отражение в четырех следующих пунктах:

«1) Военное положение объявляется в случаях: ...б) чрезвычайных народных бедствий, могущих повлечь за собой дезорганизацию общественного порядка...

7) В местностях, объявленных на военном положении, президиуму соответствующего губисполкома в отношении этих местностей или пунктов предоставляется право: ...в) привлекать граждан определенных категорий или все трудоспособное население данной местности или пункта к производству работ, непосредственно связанных с достижением цели введения военного положения в данной местности...

10) В местностях, объявленных на военном положении по особому постановлению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, губернские революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии в отношении репрессий действуют на правах революционных военных трибуналов с правом непосредственного исполнения приговора, до расстрела включительно...

14) В случае крайней необходимости президиуму исполкома предоставляется право усиливать военное положение другими мерами репрессий, сообразуясь с местными условиями и серьезностью момента»²².

В Царицынской губернии момент был действительно серьезный, потому что военное положение в ней, наряду с другими районами, подтверждалось в середине 1922 г.²³ и оставалось вплоть до 1923 г.²⁴, а приравнивалась она к голодным первой в Поволжье 17 февраля 1921 г. Постановлением ВЦИК, которое было принято в тот день, образовывалась комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая под председательством М.И. Калинина и при заместителе П.Г. Смидовиче. Главным практическим вопросом, какой поручалось разрешить этой комиссии, было обсуждение «возможности употребить тот хлеб, который не удастся вывезти для снабжения голодающего населения»²⁵. Получалось, что подобной постановкой один из высших советских государственных органов невольно признавал разверстку главной причиной голодания населения, так как предполагал оказание помощи именно тем изъятым хлебом, какой еще не успели вывезти из губерний в центр. При недостатке продуктов акцент делался не на увеличение их производства, а на перераспределение. Такой подход был преобладающим во всех звеньях продовольственных учреждений, а воплощался в жизнь, в первую очередь, продармейцами и их непосредственными начальниками.

Характер типичной деятельности продработников хорошо видим по содержанию письменного доклада уполномоченного по Александровской волости Петровского уезда Шамышейского райпродкома М. Щепакина (партбилет № 288317) в Саратовский губком РКП(б) от 5 декабря 1920 г. Направлен он был туда по мобилизации в период так называемого «Военно-Продовольственного месяца» сроком до 1 декабря. По прибытии на место, согласно инструкции, он создал «Оперативную Тройку», которая под его руководством «сделала в волости переразверстку по классовому

принципу». Самая активная стадия работы проходила с 6 ноября и включала в себя «агитацию и моральное воздействие» на крестьян, что позволило из запланированных для волости 17000 пуд. ссыпать 13000 пуд. хлеба. Но потом план был увеличен еще на 900 пуд. В последствии «эта добавка болезненно отразилась на положении в волости». Но к «тому времени прибыл продотряд, при помощи такового вся разверстка стала выполняться успешно» по всем обществам. Согласно «Секретной памятки» почти все 100 % хлебной разверстки по Александровской волости были полностью выполнены и «в этом отношении можно поставить эту Волость на Красную Доску».

Далее он сообщил об успешном выполнении разверстки по скоту и соломе, но срыве по шерсти, что объяснил запоздалой передачей задания. После чего, посчитав «самую главную работу выполненной», а такую «мелочь как куры и яйца», предположив возможным переложить на «проведение сбора самими Сельсоветами», выразил свое недовольство «полученной телефонограммой из губпродкома об оставлении продолжать работу Военно-Продовольственного месяца до 15 января».

Заключительная часть доклада по своей сути становилась жалобой на задержку и нескрываемым устремлением «занять мною прежнюю ответственную работу», что автор, забыв о своем долге партийца, еще дважды повторил со свойственной ему орфографией и стилистикой: «...я считаю, что эта пребыванье ещё 1½ месяца совершенно лишними и я упускаю Свою работу при Профсоюзе. Думаю, что Губком меня отзовет на занимаемую мною ответственную работу при Союзе»²⁶.

Если в кампаниях по подразверстке приходилось прибегать к мобилизации тех, кто ее должен был осуществлять, так как добровольцев смотреть на слезы при конфискации явно не было в избытке, то еще больше возмущались те, у кого продукты изымались. Особое место в ряду жалоб населения на разверстку в конце 1920 – начале 1921 г. заняли об-

ращения военнослужащих. Известия о ситуации в деревне и положении в своих семьях, наряду с информацией получаемой из общения с населением и собственного видения, они получали из писем, часть из которых, не смотря на цензуру, доходила до них. Из сводки военной цензуры особого отдела при Реввоенсовете Запасной армии за первую половину декабря 1920 г. по письмам из Казанской губернии видно, что вести для красноармейцев были удручающими:

Никольское Спасского уезда. ...«Хлеб отбирают, папашу подводами загоняли. ...Картошку у нас всю отобрали, а хлеба мало осталось, не знаем, как будем жить».

Толячи. ...«Житье стало здесь плохое: все у нас отбирают, каждый день все новые приказы; вот хлеб отобрали, не знаем, как и жить будем, вероятно, придется помирать голодной смертью».

Омары. ...«Корову у нас увели за то, что не выполнили масло; хлеб у нас взяли последний, картошку тоже взяли, курицу взяли, сено. ...Жизнь у нас в Омарах очень плохая, хлеб весь отобрали, мы отдали 22 пуда ржаного и ярового, некоторые едят желуди. ...В деревне все отбирают, куриц – и то отбирают, хлеб, яровые, коров, две свиньи, у нас отобрали поросенка».

Кутема. «Миша, хочу продать лошадь, потому что держать нельзя, замучили подводами».

Бурундуки. ...«Приезжают отряды и отбирают все, не оставляют и на семена; очень строго – все боятся, наверное, дочиста все возьмут. Жить стало очень плохо»²⁷.

Подобного содержания информация стала толчком к действию для тех, кто тогда побывал в отпуске и воочию увидел ситуацию в советском селе. Именно там проживала большая часть родственников военных курсантов, краснофлотцев и красноармейцев, наиболее решительная часть из которых затем выступила в Кронштадте под лозунгами «Да будет прокля-

то ненавистное иго коммунистов! Да здравствуют свободно избранные Советы!»²⁸

Жалобы военнослужащих, к примеру, в Саратовской губернии были собраны губкомом РКП(б) под рубрикой «Факты из деятельности советских работников на местах». Первоначально они были адресованы в советские и партийные органы, а часть из них в военные учреждения. Отдельные были без дат, но по содержанию легко относимы к указанному выше периоду времени. Из этого ряда, как наиболее вопиющих и типичных по характеру злоупотреблений, приведем лишь несколько из двух групп получателей. Первой была «Комиссия при Саратовском Губпродкоме», в которой обратили на себя внимание следующие заявления трех курсантов.

Первым был Чаплыгин, написавший: «Во время моего пребывания в отпуске на Рождественских каникулах в селе Свинух Балашовского уезда Саратовской Губернии на состоявшемся собрании крестьян выступал агент по продразвёрстке гр. Телятников, на доводы крестьян о невозможности выполнения продразверстки сказал, что "я вас голодом заморю". На вопрос одного крестьянина: "За что?" Он ответил: "За то, что у меня все отобрали". И крестьянина Тетгорина Федора, задавшего вопрос, ударил два раза кулаком. Крестьяне тут же начали расходиться, а потом, собравшись кучками, вели негодующие разговоры».

Из письма курсанта Дорохина узнаем о действиях руководителей Морецкого волисполкома Аткарского уезда, которые «при приближении Антонова, отдали распоряжение не давать беднякам хлеба. Так продолжалось три дня, хотя Антонов был в тридцати верстах. Вообще члены Исполкома вносили панику, собираясь бежать, грабили население. Из шерсти, собранной по разверстке, Советские работники катали себе и любовницам валенки. Последние разъезжают на Советских лошадях, чем возбуждают недовольство крестьян».

Сащенко поведал о Еланском райпродкоме, где «из отобранного по государственной разверстке скота очень много подошло с голоду, а оставшийся в живых потерял много весу. Были случаи, когда в общем стаде на сборном пункте, голодные свиньи отгрызали у овец ноги»²⁹.

Вторым получателем такого характера обращений стала «Комиссия при Покровском Губпродкоме» той же Саратовской губернии, куда вновь сам Ульянов-Ленин 8 декабря 1920 г. подписал удостоверение второму «уполномоченному ВЦИК и Наркомпрода И.Д. Мартынову о том, что он командирован в Саратовскую губернию для ответственного руководства заготовительной кампанией 1920-1921 гг. в качестве председателя губпродсовещания»³⁰. О том, что на характер деятельности губернских продорганов два ленинских посланца (Кауль, посланный в ноябре, и Мартынов – в декабре) существенным образом не повлияли, опять же говорят жалобы курсантов.

Малышев, побывавший в Пугачевском уезде, дал отзыв о работе сразу двух советских учреждений. Первое нареkanie относится к военкому Позовской волости Летвину, который «в обращении с крестьянами обязательно хочет, чтоб его называли "Николай Федорович". На вопрос: "Тов. Летвин" – он не отвечает и не разговаривает до тех пор, пока не будет назван по имени и отчеству, отчего получается неудобство, т. к. не всякий сразу узнает его прихотей».

А второе нареkanie было вызвано деятельностью волисполкома, который «после выполнения государственной развёрстки на шерсть и овчины произвел дополнительную разверстку. Собрав, таким образом, шерсть и овчины, члены волостного Исполкома употребили таковые себе на шубы и валенки».

Курсант Кованев раскрыл запросы агентов Царицынского упродкома в Александровской волости, «через Совет потребовавших на Рождество 18 пуд. свежих арбузов и дынь, за неимением таковых они собрали та-

кое же количество мяса. При выполнении разверстки на мясо забирают и режут рабочих быков. Вместо яиц и масла собирают вновь мясо».

Курсант Василий Секоштинов довел до сведения подробности действий районных продотрядов в хуторе Новоизпавском Нелиманской волости Дергачевского уезда, где «за невыполнение государственной разверстки были арестованы все крестьяне этого хутора. Ночью к арестованным пришел продкомиссар, выстроил всех арестованных в одну шеренгу и с "наганом" в руке говорит: "Где у вас хлеб запрятан, сказывайте". Крестьяне ему ответили: "У нас хлеба нет, кроме того, что мы выполнили". Тогда он, убрав "наган", сказал: "Я с вами справлюсь". Приехав обратно на хутор с отрядом, потребовал хлеб. Председатель заявил: "Что мы могли отдать, то отдали, а более хлеба нет". Тогда комиссар пошел по дворам и нашел в одном дворе 3 пуда хлеба. Хозяин стал просить оставить хлеб на его малолетних детей. Дети взялись за мешок и тащат его к себе, комиссар, не долго отнимая мешок, выбросил из избы одного из детей, а хозяину нанес удар в "зубы за то, что он бесконечно просил оставить хлеб". Остальные крестьяне в это время были полумертвые, ожидая такого явления комиссара к ним. В новый год из Волисполкома прислали записку с приказанием во что бы то ни стало к 12 часам сегодня мобилизовать девушек и женщин и вытопить баню, т. к. приедет продкомиссар, что было исполнено. Номер отряда не могу сказать, а фамилия комиссара "Мордашев". Прошу принять к сведению, что свидетелями может быть весь хутор».

Такой же отпускник Андрей Пензин сообщил: «Только я прибыл в отпуск гор. Дергачи Саратовской губ. 4 февраля 1921 г., как присылают мне лист бумаги без печати по государственной развёрстке хлеба и скота. Но, видя, что у меня хлеба нет, предписали мне (предписание на маленьком клочке бумаги при сем прилагается: "Пензин Андрей, с Вас причитается государственной разверстки: шерсти – 6 фунтов, масла – 3 фунта, 1 овцу. Зав. 5-м Районом: Бычков"). Овец у меня есть только две и 1 корова,

которая около году болела, шерсти также нет, масла же подавно нет. Семья моя состоит из жены и грудного ребёнка и самого, находящегося в Красной Армии с 1918 г. Прихожу в Райпродком с бумагой и говорю, что у меня нет ничего, помимо коровы и 2-х овец, мне ответили: "Если у вас нет шерсти и масла, то отдайте двух овец". Я потребовал с них (райпродкома) ордер для того, чтоб с меня не спросили других овец, за что был тут же арестован и пробыл под арестом 2-е суток. Видя, что отпуск мой истекает, и сделать ничего не могу, я отдал овец и был отпущен...

И вот товарищи, какие проделки происходят на местах. Прошу принять соответственные меры. Фамилия Райпродкомиссара Андреев»³¹.

26 февраля 1921 г. «В Губпродком (тов. Платонову) для передачи в Комиссию» поступило переадресованное заявление и от военных более высокого ранга – слушателей академии Генерального штаба РККА И. Бубенец и И. Кутякова «о высылке специальной комиссии в с. Тамбовку для выяснения положения граждан названного села, оставшихся без куска хлеба в силу не правильных действий члена Покровского Райпродкома Белоусова», с сопроводительным указанием за подписями секретаря Саратовского губкома РКП(б) Левина и заведующего общим отделом Кивкуцана³².

Но не только эти последние достаточно высокого положения жалобщики, а равно и подписи партийцев из губернского партштаба, на ситуации не отразились. Обращения в самые разные инстанции, вплоть до председателя СНК, шли отовсюду и для всех заканчивались однозначным исходом – все оставалось прежним. Люди искали любую возможность, чтобы донести свои призывы о помощи. Например, крестьяне деревни Моденово Богородской волости Вереяского уезда Московской губернии смогли передать свою жалобу на чрезмерную разверстку по сдаче хлеба и сена Ульянову-Ленину тогда, когда 15 декабря 1920 г. увидели его в окрестностях на охоте. В связи с чем он предложил прислать в Москву делега-

та для выяснения этого вопроса. И только спустя три недели, 6 января 1921 г., член Богородского волкомтруда Петр Козлов смог оказаться в Кремле и передать письмо-заявление красноармейца 115 запасного стрелкового полка Малеева с сообщением о тяжелом положении крестьян деревни Моденова³³. После чего глава советского правительства, указав «запросите НКпрод и скажите мне», передал Н. П. Горбунову письмо, на конверте которого был следующий текст:

«Разверстку выполнили

сена	2 0 0 0 – 2 0 0
соломы	200 – 200
яровой соломы	110 – –
хлеба	244 – 43
овса	540 – 19
картофеля	115 (ок.) – 115
кур	полностью
яйца	полностью
мяса	78 пуд. – 78 пуд.

*Добровольно
сдали...*

Просьба: сократить разверстку сена и хлеба (боимся отрядов)³⁴.

Из этой информации, что хорошо видно по менее чем 1/10 доле сданной разверстке по зерновым культурам и сенажу, в страхе перед продотрядами реально предстает вся советская деревня. Для ее жителей мучительное ожидание было постоянством и скорее особенно тяжелым тогда, когда в неизвестность уходили ходоки или письма. Ведь, к примеру, чуть менее трех месяцев уйдет на то, чтобы председатель СНК прочитал копию письма члена коллегии Наркомпрода Н. Осинского (В.В. Оболенского) самарскому губпродкомиссару А.Н. Леких (копия председателю Бугурусланского упродсовещания Старцеву) от 14 октября 1920 г. Написано оно было в ответ на переданную Осинскому Ульяновым-Лениным жалобу крестьян Султангуловской волости на невыполнимость установ-

ленной продрозверстки и содержало распоряжение о пересмотре раскладки розверстки по волостям с уменьшением ее размеров для Султангуловской волости до 80 %. После чего следовало распоряжение: «*Н.П. Горбунову* сохранить и проследить (потом) исполнение 4/1 1921. *Ленин*»³⁵.

Вполне возможно, что прецедент пересмотра размера розверстки именно по этой волости, придал решимость самарским губернским партийно-советским органам и они «на совместном заседании с представителями губпродсовещания и губпосевкома от 11 января с. г. постановили предложить губпродкому продовольственную работу по губернии закончить к 1 февраля». Но сокращение для одной волости, тем более предпринятое по указанию главы правительства, переносимое на всю губернию уже без ведома кремлевского руководства, непременно стало бы началом той цепной реакции, которая привела бы к срыву всей кампании уже в масштабах страны. Поэтому 25 января Президиум ВЦИК принял постановление, где указывалось:

«1. Проведенное постановление, как не содержащее указания, что к означенному сроку розверстка должна быть выполнена в размере 100%, отменить.

2. Предложить Самарскому губисполкому впредь не принимать постановлений, ведущих прямо или косвенно к прекращению продовольственной работы ранее выполнения назначенных Наркомпродом розверсток»³⁶.

Останавливая такого рода инициативу, граничащую с самоуправством, в Кремле сразу смогли предположить возможность ее повторения и в других регионах. По этой причине в тот же день 25 января 1921 г. всем губернским исполнительным комитетам было сделано циркулярное предписание, в котором сразу обращалось внимание на «открывающуюся повсеместно посевную кампанию» и «серьезную опасность возможного расстройств продовольственной работы». В качестве негативного примера

назывались уже два губисполкома – Самарский и Донской, которые, «приступая к проведению в жизнь мероприятий по образованию семенного фонда, приняли постановления, коими фактически может быть приостановлена продовольственная работа ранее выполнения установленных разверсток и, следовательно, могут быть уменьшены установленные Наркомпродом размеры заданий по изъятию излишков».

А далее, после строгого указания на то, что «продовольственный фронт по-прежнему является главнейшим фронтом, и поэтому совершенно недопустимо принятие мер, ведущих прямо или косвенно к ослаблению продовольственной работы», всем губисполкомам предписывалось:

«1. Не принимать постановлений, проведение которых в жизнь означало бы прекращение продовольственной работы ранее выполнения назначенных разверсток в размере 100 %, а тем более таких постановлений, коими отменялись бы или сокращались бы установленные Наркомпродом разверстки.

2. Все предложения, касающиеся сроков выполнения разверсток, тесно связанных с размерами последних, а также самих размеров разверсток, вносить на рассмотрение Наркомпрода или Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»³⁷.

Этот документ, как и предыдущий, скрепленный подписями М.И. Калинина и А.С. Енукидзе и с максимально возможной поспешностью распространяемый, свою основную задачу без сомнений решил. Строгое осуждение самарско-донского «почина», предупреждение «все предложения, касающиеся разверсток, вносить на рассмотрение Наркомпрода или Президиума ВЦИК», возымело действие. Примером может служить даже иная, чем по Самаре, судьба ленинских указаний, адресованных управляющему делами СНК Горбунову относительно жалоб на реализацию разверстки в Саратовской губернии, хотя эти обращения и занимают особое место, обусловленное их значительным количеством и достаточно вы-

соким положением жаловавшихся лиц. Уникальным предстает заявление от имени Бакурской волостной организации РКП(б) Сердобского уезда, с каким в качестве «ходока» в Москву приезжал сам волостной партсекретарь И.П. Турунен (Турунин), но Ульяновым-Лениным принят не был и передал дело в Наркомпрод и секретарю ЦК РКП(б) Е.А. Преображенскому.

Существенным компонентом того дела было письмо от 23 декабря 1920 г., в котором говорилось: «Уважаемые товарищи, царящий вандализм и произвол в Бакурской волости, издевательство над неимущими, самогон, изнасилование девушек, грабёж в свою личную пользу, производимый ура-работничками, поощряемыми Сердобским райпродкомом, не дают мне покоя. Против меня ополчилась целая рать. Сложившиеся во мне в течение 15 лет революции настоящие убеждения я изменить не могу. Внутренний голос во мне говорит "иди" и я иду. Ищу на помощь революционный орган – уком РКП – и не найду его. Пусть паду один жертвой еще раз, может быть, какой раз. Но пред этим еще обращаюсь к вам. Или перенесите столицу произвола из Бакурской волости, где бы мои глаза не видели и уши не слышали, или исключите меня из РКП и скажите – молчи! Ибо я начинаю терять самообладание»³⁸.

В январе 1921 г., не ранее 12 – не позднее 21 числа, председатель СНК познакомился с подготовленным Н.П. Горбуновым проектом ответа от имени Ульянова-Ленина, который после получения им 21 января через секретаря и самого заявителя Бакурской волостной организации РКП(б), подписал его. В тот же день ленинский документ был отправлен жалобщикам, а копия с него «о контрреволюционных действиях некоторых местных продработников» в Саратовский губпартком и губисполком³⁹.

В нем, еще раз обозначив доводимые по просьбе крестьян «сведения о контрреволюционных действиях в Вашей волости некоторых продработников, которые творят издевательства над неимущими, грабят в лич-

ную пользу, поощряют выкуривание самогона, пьянствуют, насилюют женщин, провоцируют Советскую власть и т. п. – и, сделав акцент, – Вы просите отсюда из Москвы ликвидировать эти контрреволюционные действия», – призвал их самих: «...бороться всеми силами на местах с контрреволюцией, это – одна из самых главных задач местных партийных организаций, в том числе и Ваша. Ваш долг и обязанность добиться путем сношений с уездпарткомом, а если это не поможет, с губпарткомом, ареста и предания Ревтрибуналу таких контрреволюционеров и мерзавцев, о которых Вы сообщаете».

Подобные рекомендации имели место не впервые. Периферия их уже знала и использовала, но как раз всеобщая порочность системы развётки и заставляла надеяться на результативные и действенные меры лишь из Москвы. Тем более что и вождь, в Кремле находившийся, соглашался и с той частью письма из Бакурской волости, где «тов. *Турунен* приводил... соображения о том, что Советская власть, чтобы выйти из хозяйственной разрухи, должна опираться на крестьянство, как на костыль»⁴⁰.

Мысль вполне здравая, но к торжеству такого подхода еще многое надо было пройти и, особенно, в Поволжье. Ожидания крестьян, например, саратовских, мало чем облегчило заседание президиума Саратовского губисполкома, где 1 апреля 1921 г. заслушали «предложение Наркомюста об образовании специальной комиссии для расследования действий Покровского Губпродкома» и приняли решение:

«Принимая во внимание с одной стороны: 1) сильное развитие бандинизма в уездах губернии, входящих в состав Покровского Губпродкома и с другой стороны – наличие организованной по предписанию центра комиссии по обследованию деятельности продорганов и одновременно расследования действий Губпродкома ведущегося Саргубчека, признать

во избежание параллелизма в работе, организацию специальной комиссии излишней;

2) комиссии, организованной по предписанию центра для обследования деятельности продорганов Саргубернии, просить срочно и вне всякой очереди произвести расследование действий Покровского Губпродкома и подведомственных ему продовольственных органов».

И завершался документ коротким третьим пунктом, обязывающим «о настоящем постановлении поставить в известность Наркомюст»⁴¹.

Партийные органы в лице саратовского губкома РКП(б), непременно получавшие все важные решения губисполкома в обязательном порядке, регистрируют его ровно через неделю уже 8 апреля, а вот о крестьянах, которые стали жертвами продовольственной разверстки, и речи не будет. Зато чекисты, как видно из содержания, должны были сыграть решающую роль. Недаром и Ульянов-Ленин в промежуток времени, не ранее 19 – не позднее 30 декабря 1920 г., ознакомившись с «докладной запиской Особого отдела ВЧК по вопросу о взимании продовольственной разверстки с крестьян», сделал на ней пометку: «Секретно. В архиве»⁴².

Скрывать такого рода информацию от слишком широкого круга лиц основания были. Кризис в экономике непосредственно вытекал из столь же неустойчивого положения в правившей большевистской партии коммунистов. Что «выражалось, – как отмечалось в резолюции VI внеочередной Симбирской губернской конференции РКП(б) 27 января 1921 г., – в отсутствии общей воли, направляющей все силы на реальные задачи новой полосы революции и в обострении тех болезненных явлений, которые возникли за период войны в рядах партии». А «работа велась, – как указал там же выступивший Варейкис, – главным образом в деревне»⁴³.

И на местах партийные органы часто использовали чекистов для разрешения острых сельскохозяйственных проблем. Например, президиум областного комитета РКП(б) Трудовой коммуны Области немцев Повол-

жья своим постановлением от 11 января 1921 г. в присутствии Майзингера, Моора и Рыдзинского «отозвал т. Альбрехта из Губчека и назначил в Губземотдел для работы в Отделе Колхозов»⁴⁴.

Случалось, что такие решения исполнялись не сразу. Представители советских и хозяйственных органов, проявляя скрытое недовольство партийным вмешательством в свою деятельность, пытались отсрочить реализацию указаний или вообще проигнорировать их. Так произошло с постановлением того же губкома РКП(б) Трудовой коммуны Области немцев Поволжья от 28 марта 1921 г. по поводу «снятия с должности бухгалтера Губпродкома т. Шенфельд, в настоящее время нецелесообразно используемого на указанной должности», относительно которого постановили: «Ввиду чрезвычайно важных задач, вставших перед Губчека в связи с кулацко-бандитскими восстаниями и крайнего недостатка в работниках, тов. Шенфельда с должности бухгалтера в Губпродкоме снять и передать в распоряжение Губчека в качестве информатора». Тогда руководство продовольственного ведомства, затягивая исполнение решения партийного органа, обратилось с ходатайством, где указало «о невозможности откомандировать» указанного работника. В связи с чем 14 апреля губком РКП(б) постановил уже в более жесткой формулировке: «Немедленно откомандировать тов. Шенфельда в распоряжение Губчека».

Ситуация была не простая, потому что на этом же заседании 14 апреля специального слушания с формулировкой «О продрработнике Шарикове» и решением «предложить губчека вызвать указанного товарища для следствия по предъявленным обвинениям», был удостоен один из пребывавших в области командиров тульских продовольственных отрядов. В конечном итоге для того туляка все завершилось списанием всех преступлений на «острую классовую борьбу»⁴⁵, а вот реальная общая оценка прозвучала несколько позже, 4 июля 1921 г., на VII конференции РКП(б) Трудовой коммуны Области. В ее резолюции, констатировавшей голод-

ный кризис, причинами называлось: «Уроdlивое проведение продполитики в 1919 – 1920 годах, 2-х кратное и 3-х кратное наложение развёрстки» и ещё раз повторялось: «Чрезмерная и непосильная разверстка, острый недостаток фуража и связанный с этим значительный падеж рабочего и дойного скота в 1920 и 1921 годах»⁴⁶. Но и это было еще не все, потому что в материалах комиссии ВЦИК и ЦК РКП(б), побывавшей здесь в конце апреля – мае месяце, вывод звучал еще откровенно жестче. Остановимся только на одном фрагменте того доклада: «Несуразность разверстки в 9,5 млн. пудов, низведенная затем до 6 млн. вздыбила всю область. Проднажим, производившийся довольно энергично местными отрядами, был доведен до апогея тульскими рабочими. Их руководители Антипов, Алентьев, Попов и Шариков, определив разверстку в восемь раз выше всего урожая, поставили задачу "взять кровь вместо хлеба" и тем самым превратили отряды в оккупантов области. Разоряя хозяйства, они собрали 400 тыс. пудов "крови" и обрекли население на голодную смерть. Избивали председателей и членов советов, насиловали и безобразничали во всех селениях»⁴⁷.

Информацией о бесчинствах, происходивших при взимании продовольственной развёрстки, была наполнена и периодическая печать. По этой причине газетные статьи нередко содержали вполне обоснованные предупреждения о реальных размерах грядущей катастрофы. Фактом из такого ряда может служить январская заметка «Примите срочные меры» из рубрики «Наш край» царицынской губернской газеты «Борьба», повествовавшей о работе уездных боен в г. Красноармейске. Отсутствие под ней авторской подписи вполне объяснимо теми тяжёлыми чувствами, какие вызывает ее содержание даже при некоторых сокращениях: «На местных бойнях в настоящее время производится убой скота, взятого по разверстке у населения уезда.

Ввиду недостаточного количества у населения гулевого скота, в разверстку вошел большею частью рабочий скот и в особенности молочный.

Коровы убиваются на бойне с телятами, готовыми уже к новотелу, так что убиваются вместо одной головы две, что, конечно, страшно вредно отзовется на скотоводстве.

Что же касается убоя баранов, то здесь дело обстоит еще хуже. Вместо одной головы убиваются три, так как большая часть овец убивается с двойняшками...

Между тем, убивая рабочий скот, население не в состоянии будет выполнить задания Центра в отношении увеличения в текущем году посевной площади. Что же касается бедноты, то таковая может остаться совсем без посева.

Ввиду этого следовало бы принять самые энергичные меры к прекращению убоя рабочего и молочного скота. Ведь при таком положении дела мы можем совершенно разрушить наше хозяйство»⁴⁸.

Предостережение уместное и относилось оно не только к одному уезду. Свои местные особенности в виде самых разнообразных перегибов и начинаний у продовольственной разверстки были всюду. Так ровно в тот же день, что и в царицынской «Борьбе», 14 января 1921 г., симбирская газета «Заря» сообщила о тех ранее неизвестных «новшествах» с разверсткой, какие появились на малой родине самого Ульянова-Ленина. Именно там, возможно на почве привязанности к занятию охотой своего именитого земляка⁴⁹, при недостатке крупных домашних животных принялись и за совсем мелких диких зверьков. Тогда, например, одному лишь Сенгилеевскому уезду на три зимних месяца было развёрстано сдать 15 тысяч (!) тушек и столько же шкурок зайцев. Но когда организационное собрание председателей районных правлений волисполкомов уезда вынесло постановление, что разверстку на такое количество зайцев выполнить

не представляется возможным по следующим причинам: «1) по малому количеству в уезде охотников; 2) по кратковременности охотничьего сезона; 3) из-за отсутствия в наличии зверей; 4) отсутствия загонщиков для облавы; 5) изношенности и отсутствия оружия, теплой обуви и одежды у охотников», то в ответ на это в органе Симбирского губкома РКП(б) и губисполкома было опубликовано постановление «Об охоте с борзыми собаками».

В нем для сведения населения доводилось следующее решение партийных и советских органов: «...вменить в обязанность всем гражданам уезда, имеющим борзых собак, немедленно зарегистрировать их в союзе в виду необходимости при облавных охотах и установить пояса расстояний от селений, где представляется производить охоту с борзыми собаками»⁵⁰. За уклонение от выполнения данного решения предполагалось отдавать под революционный суд. А так как различного рода репрессии советской власти стали явлением обыденным, то владельцы собак, в основном крестьяне, дабы не подвергать себя опасности, начали избавляться и от них.

Ситуация стала приобретать исключительный характер и, день спустя, 16 января 1921 г. Симбирский губком РКП(б) вынужден был отдельным вопросом рассмотреть положение в этом уезде. Из специального доклада, сделанного Автонеевым, стало ясно, что «продолжать продкампанию невозможно» и необходимо решать вопрос «о сложении дальнейшей разверстки в виду полного отсутствия хлеба и фуража», сопровождающегося падежом скота и озлобленным брожением крестьянского населения. После чего последовало постановление, в котором «предлагалось Губпродкому создать авторитетную Комиссию и по обследованию положения Сенгилеевского уезда, с приведением цифровых данных, возбудить вопрос о снятии разверстки»⁵¹.

Процедура эта в советском уже достаточно бюрократизированном аппарате была сложная и из ранее приводимых фактов давала ясность, что

без личного участия Ульянова-Ленина оставалась невыполнимой. При этом и наличие цифровых данных не было гарантией для положительного решения. Там, где эти данные имелись, ситуация была ни чуть не лучше. Например, из докладной записки заведующего Самарским губернским земельным отделом в Наркомат земледелия видно, что убыль по скоту с весны 1920 до весны 1921 г. составила: по лошадям – 36,9 %; по волам рабочим – 38,1; по телятам возраста до одного года – 72,1 %; по верблюдам – 51,7 % и т. д.⁵² В конечном итоге уменьшение численности всего скота достигло 62,4 %⁵³.

Тенденция общего снижения поголовья скота, уменьшения посевных площадей, падения урожайности в растениеводстве и продуктивности в животноводстве была фактом непреложным для всех регионов и республики в целом. Но и в этих тяжелейших условиях меры, принимаемые РКП(б) и советским правительством, позволили к 28 февраля 1921 г. собрать по стране 258707 тыс. пудов хлебофуража и выполнить разверстку на 61,2 %. В конечном итоге общие заготовки в порядке продразверстки в 1920/21 г. составили по хлебу – 367 млн. пудов, по картофелю – 75 млн. пудов, по мясу и другим сельскохозяйственным продуктам – 24 млн. пудов⁵⁴.

Цифры впечатляющие, потому что в предыдущий год хлеба было собрано только 210 млн. пудов⁵⁵, но факты нарушений и бесчинств, продработниками совершенные, были еще более удручающие. Сам Ульянов-Ленин, сравнивая на X съезде РКП(б) «аппарат Компрода с другими, – и придя к выводу, – что это – лучший аппарат...»⁵⁶, там же 15 марта 1921 г. признал, что «ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления»⁵⁷.

Именно этими кадрами, через продовольственную разверстку вводивших безрыночную экономику, сельскохозяйственному производству

был нанесен ужасный удар. Его сущность заключалась в том, что крестьяне потеряли смысл производить больше, чем требовалось им самим, так как весь излишек изымался советским правительством. В результате коллапса промышленности советская власть не предлагала крестьянам и какую-либо компенсацию за реквизированное зерно в виде промышленных товаров. К 1921 г. площадь обработанной земли сократилась до 62% по сравнению с довоенной, а урожай составил только 37,3% от 1913 г. Страна встала перед угрозой полной остановки промышленности и голода, какой наиболее страшными последствиями обернется для Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ См.: Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 292-294.
- ² См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-523. Оп. 4. Д. 58. Л. 1-3.
- ³ Там же. Л. 10.
- ⁴ Цит. по: Стрижков Ю.К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции, 1917 – 1921 гг. М., 1973. С. 170.
- ⁵ Ленин В.И. Политический доклад Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП(б). 2 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39. С. 357.
- ⁶ См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее: ГОПАНО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 50. Л. 9-9об., 11.
- ⁷ ГОПАНО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 93. Л. 56-56об.
- ⁸ Декреты Советской власти. Т. 10. М., 1980. С. 374.
- ⁹ См.: Там же. С. 377.
- ¹⁰ Ленин В.И. Записка А.Д. Цюрупе [1920] // Ленинский сборник XXXVIII. М., 1975. С. 343.
- ¹¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. Т. 9: Июнь 1920 – январь 1921. М., 1978. С. 540-541, 545.
- ¹² Ленин В.И. А. Д. Цюрупе. 14. XII. 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 30.
- ¹³ Ленин В.И. А. Д. Цюрупе. 14 декабря 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 31-32.
- ¹⁴ См.: Декреты Советской власти. Т. 11. М., 1983. С. 248.
- ¹⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 535.
- ¹⁶ Декреты Советской власти. Т. 12. М., 1986. С. 11-12.
- ¹⁷ Там же. С. 19-20.
- ¹⁸ Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 7-7об.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 121. Л. 1-3.
- ²⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 504.
- ²¹ Декреты Советской власти. Т. 11. С. 410.
- ²² Там же. С. 172, 174-176.

²³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 100. Д. 3. Л. 3: Выписка из протокола № 4 заседания Секретариата Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов от 16 июня 1922 г. «О состоянии губерний Р.С.Ф.С.Р. на военном положении (внесено Н.К.В.Д.)» за подписью секретаря ВЦИК А. Енукидзе.

²⁴ 9 февраля 1923 г. президиум Царицынского губкома РКП(б) единогласно всем составом в 13 человек постановил «ранее объявленное военное положение оставить, чтобы, – как говорили при обсуждении этого вопроса выступавшие, – дать возможность ревтрибуналам применять на этом основании высшую меру наказания» (Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 30).

²⁵ Декреты Советской власти. Т. 13. М., 1989. С. 104.

²⁶ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее: ЦДНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 45. Л. 7-7об.

²⁷ Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг.: Документы и материалы / Под редакцией В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002. С. 616.

²⁸ См.: Кронштадтская трагедия 1921 года: Воззвание Временного революционного Комитета Кронштадта к рабочим, красноармейцам и матросам. *Позже 2 – ранее 5 марта 1921 г.* // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 13.

²⁹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 45. Л. 55-55об.

³⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 540.

³¹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 45. Л. 56-56об.

³² См.: Там же. Л. 62-62об.

³³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 564-565, 631.

³⁴ Ленин В. И. Н. П. Горбунову. *6 января 1921 г.* // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 44-45.

³⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 625.

³⁶ Декреты Советской власти. Т. 12. С. 210.

³⁷ Там же. С. 211.

³⁸ Крестьянское движение в Поволжье... С. 618.

³⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 649, 675.

⁴⁰ Ленин В.И. Бакурской волостной организации РКП(б). *21 января 1921 г.* // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 52.

⁴¹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 45. Л. 85.

⁴² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 578.

⁴³ Центр документации новейшей истории Ульяновской области (далее: ЦДНИУО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 279. Л. 2, 8об.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 593. Л. 45об.

⁴⁵ Там же. Л. 64, 68.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Д. 594. Л. 151-152.

⁴⁸ Борьба (Царицын). 1921. 14 января.

⁴⁹ Подробнее см.: Поляков В. А. Большевики и борзые (особенности интернациональной охоты) // Новый исторический вестник: Избранное, 2000 – 2004. М., 2004. С. 127-138.

⁵⁰ Заря (Симбирск). 1921. 14 января.

⁵¹ ЦДНИУО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 3.

⁵² См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 100. Д. 96. Л. 51об.

---

⁵³ Подсчитано по данным: Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 2. Д. 174. Л. 59.

⁵⁴ См.: История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917 – 1927. М., 1986. С. 123, 125.

⁵⁵ См.: Ленин В. И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 11.

⁵⁶ Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 72.

⁵⁷ Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 74.